

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экспертно-аналитическая отчет
июль - 2024 года

Экспертно-аналитический отчет

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, МИГРАЦИОННАЯ ОБСТАНОВКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ИЮЛЬ 2024 г.)

В данном экспертно-аналитическом материале на основе открытых источников информации сети «Интернет»¹ проведен анализ событий, затрагивающих сферу межнациональных и межрелигиозных отношений, миграционную повестку в России и вызвавших наибольший резонанс в российском информационном пространстве в июле-первой половине августа 2024 г.

Основные проблемы в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений, отраженные в наиболее резонансных событиях, ставших главными инфоповодами в предыдущий период (июнь 2024 г.), – попытки дестабилизации обстановки в сфере межнациональных отношений со стороны «западных структур» и киевского режима, проявления сепаратизма, бытовые межнациональные и межрелигиозные столкновения в молодежной и подростковой среде, рост числа преступлений мигрантов в отношении женщин и несовершеннолетних лиц – сохранили свою актуальность и остроту, что подтверждает их высокий конфликтный потенциал и риски неконтролируемой эскалации связанных с ними политических и социальных процессов.

Значительное число резонансных обстоятельств и событий, отраженных в российских СМИ и социальных медиа в июле 2024 г., были связаны с вопросами, имеющими религиозную подоплеку. Критический фокус внимания разнообразных ресурсов социальных медиа и СМИ был сосредоточен на Северном Кавказе, в частности, на религиозных процессах в Республике Дагестан.

Контуры религиозных противоречий: точки социального напряжения

Серьезный общественный резонанс в российской информационной сфере получило обсуждение возможности полного запрета никаба на фоне временных ограничений на его ношение, введенных в нескольких субъектах на Северном Кавказе. Временный запрет никабов был объявлен муфтиятами **Республики Дагестан** (3 июля с.г.) (муфтий Дагестана А.Абдулаев) и

¹ *Справочно.* Источники информации: информационные агентства; сетевые СМИ; интернет-ресурсы (сайты) традиционных СМИ; онлайн справочники (словари, энциклопедии); социальные медиа (социальные сети – коммуникационные сети, блоги, видео-хостинги, форумы (тематические форумы, региональные и/или городские форумы), электронные неофициальные СМИ).

Примечание. В настоящее время, существенное количество информационных поводов и трендов российского медиапространства, имеющих различную тональность и коннотацию (позитивную / нейтральную / негативную) формируются в социальной сети «Telegram». Именно это обстоятельство требует предельного сосредоточения исследовательского и экспертного фокуса при мониторинге информационных поводов на социальной сети «Telegram».

Республики Карачаево-Черкесия (4 июля с.г.). При разъяснении причин и оснований принятия подобного решения в Дагестане представитель муфтията Дагестана сослался на [обращение](#) Министерства по национальной политике и делам религии Дагестана (а именно – министра Э. Муслимова) к аудитории – подписчикам Telegram-канала «МИННАЦ РД», в котором отмечаются риски и угроза безопасности населению республики. Заместитель муфтия Дагестана [А. Салимов отметил](#), что мера направлена на обеспечение безопасности и защиту людей.

3 июля с.г. Координационный центр мусульман Северного Кавказа (далее – КЦМСК)² выступил с [«Заявлением относительно “хиджаба” и “никаба”](#)», отметив необходимость четкого разграничения этих понятий. В данном заявлении указывается, что *«исламская религия предписывает закрытие частей тела за исключением лица, кистей рук и ступней ног, то есть предписывает ношение так называемого «хиджаба», где лицо остается открытым»*. Соответственно, речи о запрете хиджаба нет. Российское законодательство также не ограничивает его ношение, в частности, разрешает фотографирование в нем для получения паспорта. КЦМСК постановил: *«Считать в современных условиях в России ношение никаба, паранджи и т.п. скрывающих лицо головных уборов наносящим практический вред мусульманам, угрожающим раздором в межрелигиозных и межнациональных отношениях»*.

Следует также отметить некоторые решения религиозных организаций на Северном Кавказе (духовных управлений мусульман) по смежной теме – ношению в образовательных учреждениях различных видов одежды, являющихся религиозным атрибутом. Так, 30 июля с.г. ДУМ Кабардино-Балкарии [обратилось с предложением](#) к жителям республики, чтобы девочки носили максимально приближенную к школьной форме одежду, которая принята уставами учебных образовательных организаций. При этом они могут не снимать платок.

Позднее, 8 июля с.г. муфтий Дагестана А. Абдуллаев [упразднил](#) отдел фетв и примирения муфтията Республики Дагестан, что, вероятнее всего, связано с заявлением отдела об отсутствии достаточных оснований для всеобщего запрета никаба, анонсированное 2 июля с.г. По [мнению части экспертного сообщества](#), эти обстоятельства указывают на имеющиеся разногласия внутри муфтията Республики Дагестан. Раскол в муфтияте

² Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК) – централизованная религиозная организация объединяющая на добровольной основе действующие на территории Северного Кавказа мусульманские централизованные религиозные организации, а именно духовные управления мусульман: Республики Адыгея и Краснодарского края; Республики Дагестан; Республики Ингушетия; Кабардино-Балкарской Республики; Республики Калмыкия; Карачаево-Черкесской Республики; Республики Северная Осетия-Алания; Ставропольского Края; Чеченской Республики. Председателем КЦМСК является Председатель ДУМ Карачаево-Черкесской Республики Бердиев Исмаил-Хаджи Алиевич. Высшим органом Координационного центра мусульман Северного Кавказа является Совет КЦМСК, формируемый из председателей (муфтиев) мусульманских централизованных религиозных организаций – членов КЦМСК. Организация осуществляет свою деятельность в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и руководствуется в своей работе учениями на основе откровения Всевышнего – «Аль-Куръана», сунны Посланника Аллаха Мухаммада (с.а.с.) и норм шариата, выраженных в традиционных для народов Северного Кавказа учениях имамов – Ханафи и Шафии. Подробная информация на официальном Интернет-ресурсе – URL: <https://kcmsk.ru> (датаобращения:02.08.2024).

Республики Дагестан привел к активизации тех, кто выступает в поддержку противников запрета никаба, и которые заполнили комментариями ресурсы социальных медиа скрытыми угрозами в адрес его сторонников и светских властей. Фиксируются и открытые призывы к неповиновению в случае запрета никаба со ссылкой на то, что решение дагестанского исламского духовенства не является обязательным к исполнению, а следовать ему будут те, для кого данная религиозная организация является авторитетной исламской структурой, а это, по мнению комментаторов в социальных медиа, далеко не все жители республики. Отмечается, в частности, рост спекуляций на тему одобрения или критики идеи запрета никабов со стороны некоторых имамов для привлечения в свои мечети большего количества прихожан, в первую очередь, пассивных, радикально настроенных.

Данное обстоятельство содержит высокие риски поляризации и катализации противоречий между различными представителями исламского духовенства в Дагестане по маркеру лояльных муфтияту и оппонировавших ему. Подобная острая дифференциация существенно повышает вероятность возникновения опасных внутрисоциальных конфликтов в регионе по религиозным мотивам.

Различные социальные конфликты, порожденные как ношением никаба, так и острыми дискуссиями вокруг его полного запрета, прямо свидетельствуют и отражают тлеющее в российском обществе напряжение, в ряде случаев – открытое неприятие фактов ношения никаба в общественных местах.

Никаб в СМИ зачастую представляется в качестве визуального признака принадлежности человека к радикальным или экстремистским организациям религиозного толка. Вместе с тем понятие «никаб» является частью более широкого понятия «хиджаб», которое значит «скромную одежду», если буквально в переводе с арабского – «преграду» («завесу»). Ношение хиджаба имеет предписание шариатом, соответственно, является обязательным к исполнению для мусульман (в данном конкретном случае – для мусульманок).

Большинство исламских богословов утверждают, что вполне достаточно соблюдать ношение хиджаба, свидетельствующий о скромности и религиозности женщины. Единственным направлением ислама, где предписывается обязательное использование никаба женщиной, является ханбалитский мазхаб (одно из четырех канонических направлений в ортодоксальном исламе суннитского толка, отличающееся своей консервативностью, принимающее эпизодически радикальные формы, характеризующееся наименьшим количеством приверженцев в сравнении с другими течениями). До недавнего времени (до конца XX в.) ношение никаба было в значительной мере распространено среди небольших религиозных общин стран Аравийского полуострова: в Саудовской Аравии, Йемене, ОАЭ и т.д. С постепенным усилением влияния на глобальной арене Саудовской Аравии, где ханбализм – господствующая религиозно-правовая доктрина, никаб стал более популярным. Со временем его начали применять террористы, особенно на территории

Африки, как средство визуальной маскировки.

Вопрос о ношении никаба неоднозначен. Базовая причина дифференциации подходов (позиций относительно ношения, т.е. «за или против») – отсутствие в религиозных источниках однозначности по этому вопросу, т.е. обязательности либо необходимости ношения никаба. Еще в 2020 году [некоторые представители мусульманского духовенства в России](#) высказывались о том, что обязательность для женщины закрывать свое лицо не имеет никакого предписания в исламе. В июне с.г. глава СК России А. Бастрыкин, выступая на Международном молодежном юридическом форуме в г. Санкт-Петербурге, поддержал идею запрета ношения никаба в России.

Первой страной, которая ввела запрет на ношение предметов (каска, шлемы и др.), скрывающих лицо в общественных местах, стала Италия. Это произошло в 1975 г. Позднее, в 2010 г. этот список был дополнен предметами одежды, скрывающими лицо и имеющими религиозное предписание к ношению. Во Франции и Бельгии с 2010 г. действует [закон](#), запрещающий сокрытие лица в общественных местах. В 2014 г. данный запрет поддержал [Европейский суд по правам человека поддержал](#). В Нидерландах в 2019 г. [введен частичный запрет](#) на никаб (запрещалось его ношение в определенных общественных местах).

Те или иные ограничения на ношение религиозных атрибутов, скрывающих части женского лица, действуют и в ряде исламских стран и государств с существенным числом мусульман, например, в Египте, Тунисе, Индии, Индонезии, Марокко, Иране, Таджикистане и т.д. В Узбекистане [в 2023 г. были приняты нормы административной ответственности](#) за ношение в общественных местах одежды, не позволяющей идентифицировать личность, что было направлено на поддержание общественной безопасности по аналогии с нормами, действующими в других странах. Примечательно, что в Бельгии и Швейцарии за ношение никаба могут привлечь к юридической ответственности.

Чрезмерно большое внимание к обсуждению запрета ношения никаба в России во многом связано с социально-психологическими аспектами последствий ряда событий – теракта в «Крокус Сити Холл» 22 марта 2024 г., захвате заложников в СИЗО в Ростове-на-Дону осужденными религиозными террористами 16 июня 2024 г. серии террористических актов в Дагестане (г. Махачкале и г. Дербенте) 23 июня 2024 г., а также высоким ростом религиозного экстремизма среди уроженцев Северного Кавказа и мигрантов из Средней Азии, ростом преступности среди мигрантов.

Несмотря на то, что большинство представителей исламского духовенства в России высказалось в поддержку возможности ограничения ношения никаба в общественных местах, муфтий Москвы [И. Аляутдинов указывает на то](#), что запрет ношения никаба может вызвать серьезное недовольство у российских мусульман, которое в целом может привести к росту напряженности в обществе. Согласно его позиции, *«такие попытки будут нарушать нормы светского права и Конституцию, гарантирующую право на свободное вероисповедание, включая соблюдение религиозных канонов»*.

Именно в условиях терминологической неопределенности, связанной некорректным отождествлением никаба и хиджаба, а также негативного общественно-политического дискурса вокруг данной проблематики, имеются существенные риски, связанные с возможным нормативным ограничением ношения в общественных местах не только никаба, но и хиджаба, являющегося традиционным мусульманским атрибутом одежды для части россиян, исповедующих ислам, что, в свою очередь, с высокой долей вероятности вызовет социальные противоречия на религиозной почве. Вместе с тем в случае, если даже запрет будет предусмотрен только в отношении никаба, есть вероятность возникновения трудностей в правоприменительной практике, связанной с толкованием разницы между никабом и хиджабом, пониманием принципиальных различий между двумя элементами одежды со стороны массовой аудитории.

При введении ограничения на ношение никаба в общественных местах как «явления», содержащего очевидные угрозы для общественной безопасности и порядка, и параллельным усилением межрелигиозных трений либо деструктивных процессов с определенной религиозной подоплекой (проявления религиозного экстремизма, формирование этнорелигиозных анклавов, преступления на почве религиозной неприязни) можно допустить рост неприязни к лицам, традиционно носящим хиджаб. Иными словами, если в текущий момент времени негативный дискурс в большей мере заострен на проблеме никаба, закрывающего большую часть лица, то с его запретом есть риск смещения социального недовольства к уже традиционному религиозному атрибуту российских мусульман – хиджабу, поскольку он в настоящее время не в полной мере интегрирован в комплекс традиционной российской культуры и ценностей большинства россиян.

Поскольку говорить о массовом принятии ношения хиджаба в качестве нормы для современного российского общества не просто через призму формирования толерантной среды, а как полноценного элемента цивилизационного наследия народов России весьма преждевременно, то активное распространение практики ношения хиджаба способно вызвать резонирующий эффект. Названное обстоятельство может стать предметом острых спекуляций и провокаций со стороны деструктивных сил как с внешнего, так и внутреннего социального контура – «ультраправого» политического спектра – в интересах разрушения согласия между представителями различных традиционных для России религий и конфессий.

Для нивелирования или купирования возможных рисков представляется целесообразной организация серии информационных кампаний, способствующих формированию достоверных и исчерпывающих представлений у широкой российской аудитории о религиозных ценностях и атрибутах традиционных для России религий, объяснению разницы между никабом и хиджабом. Важно отметить, что фиксируются негативные, а порой и вовсе критические, тенденции в государственно-конфессиональной политике и, в целом, в процессах, происходящих в информационно-религиозном пространстве, подходах в отношении ислама и религиозного радикализма в Республике

Дагестан. В данном случае поляризация аудитории на тех, кто за, и тех, кто против запрета на ношение никаба, иллюстрирует радикализацию отдельных слоев общества в Дагестане. В этих сложных и неоднозначных процессах исконные традиционные ценности народов Дагестана, которые на протяжении многих веков представляли внутреннее согласие в качестве важнейшего компонента этнической идентичности и ислама, постепенно вытесняются убеждениями в пользу доминирования религиозно-духовных установок (религиозной идеологии), порою прямо и весьма резко оппонирующих светским принципам устройства современного общества. Вероятны риски возникновения ситуации, при которой через призму религиозных нарративов будет инициировано полное вытеснение традиционных аутентичных этнокультурных элементов, имеющих крайне богатую историю и самобытность, на ценностную периферию, замена привычного культурного уклада новой моделью поведения с сугубо религиозной детерминантой.

Разноплановые социальные, экономические и другие проблемы в регионе стимулируют процессы изменения массового сознания. Религиозные обычаи, не свойственные для региона, «прививаются» в качестве «традиционных» и важных для мусульман, вытесняя устоявшиеся нормы, традиции и обычаи, имеющие этнокультурное происхождение.

Слоем населения, наиболее восприимчивым к данному процессу, становится молодежь. В ряде случаев участие в деятельности радикальных религиозных организаций оказывается для молодых людей способом выражения своего недовольства и участия в социальном протесте по корректировке окружающей социальной действительности.

Проблема радикализации исламской молодежи как в Республике Дагестан, так и в других северокавказских республиках в разрезе серии трагических событий, имевших религиозный подтекст в марте и июне с.г., обнажает проблемы, связанные с системой исламского образования – ее состоянием и содержанием. Так, 2 июля с.г. в СМИ была [опубликована](#) критическая статья под заголовком: «Исламский радикализм распространяется на уровне примечетских школ, за которыми не следит государство». В этой статье усиление радикальной религиозной идеологии на Северном Кавказе связывается со слабым контролем государства над системой исламского образования. Согласно [информации на официальной ресурсе](#) Духовного управления мусульман Российской Федерации, традиционная система исламского образования состоит из трех ступеней: «мектебе», где дети получают начальные знания по основам исламской религии и арабского языка, средние медресе, где совершенствуются эти знания, и высшие учебные заведения – высшие медресе и исламские университеты, в которых идет углубленное изучение богословских наук.

Примечательно, что сфера исламского образования в современное время является одним из ключевых факторов развития многоконфессиональных сообществ. Исламское образование оказало существенное влияние на становление и адаптацию мусульманских общин в Европе, но одновременно способствовало их непосредственной политизации. Особенно это касается

многоступенчатой системы исламского образования, где мусульмане развили большую активность на западноевропейском треке, связанную не столько с получением новых знаний, сколько с пропагандой исламистских идей. В России процесс формирования системы религиозного образования начался после 1991 г. Хотя первые медресе открывались на рубеже конца 1980-х годов, желающие получить мусульманское образование отправлялись в г. Бухару, в медресе «Мири Араб» – одно из самых известных религиозных учреждений в Средней Азии.

Воссоздание системы исламского образования в России в 1990-е годы проходило несколько хаотично, вне контроля государства и институционального духовенства. Преподавали в быстро возникавших в это время кружках, в центрах по изучению основ ислама и самодеятельных школах в основном самоучки. Зачастую этим занимались арабские студенты, сами проходившие обучение в России. Низкая конкурентоспособность в части качества и содержания российского исламского религиозного образования на рубеже 1990-ых годов побуждала молодых людей получать его за рубежом – в Египте, Саудовской Аравии, Турции и т.д. Кроме того, в России под патронажем зарубежных исламских организаций были открыты десятки учебных заведений. В это же время в России имел место значительный миграционный приток из стран Средней Азии, являвшихся носителями собственных исламских и этнокультурных традиций. Ислам в России оказался, по сути, под двойным давлением. Всё это в совокупности не могло способствовать сплочению российского мусульманского сообщества, а также формированию целостной (единой) мировоззренческой платформы.

Важным стимулом становления исламской системы образования являлось то, что образовательно-просветительные возможности ислама находили свои формы реализации в контексте российского законодательства, прежде всего – в Конституции РФ, федеральных законах «Об образовании» и «О свободе совести и о религиозных объединениях». В начале 2000-ых годов политическое руководство России ставило задачу по разработке комплекса мер по оказанию всесторонней помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего – мусульманского, а уже в 2013 г. Президент России [В. Путин призвал](#) мусульманское духовенство восстановить в стране исламскую богословскую школу.

Под исламским образованием понимается один из видов религиозного образования, направленного на то, чтобы осуществлять подготовку служителей исламского вероисповедания, преподавателей и богословов в целях полноценного удовлетворения потребностей в образовании верующего населения в сфере религии. На различных уровнях исламское образование должно обеспечивать процесс как обучения, так и воспитания. Религиозное обучение направлено на то, чтобы усваивать профессиональные знания, которые относятся к догматике, ритуалу, этике, культуре, социально-правовым и прочим нормам ислама в интересах личности, семьи, общества и государства в целом. Специфика исламского образования как раз предусматривает неформальную составляющую. Наряду с этим исламское образование, так же, как и светское образование, носит характер непрерывный, т.е. такое образование

предусматривает, что человек может обучаться на протяжении всей жизни.

В 2005 г. был создан, а в марте 2010 г. официально учрежден «Совет по исламскому образованию» **в целях:**

- создания единого образовательного пространства в сфере исламского религиозного образования;
- обеспечении необходимых условий для реализации прав граждан России на получение образования и удовлетворения потребностей государства и общества в специалистах теологического, религиозного и иных направлений подготовки;
- координации деятельности различных организаций, реализующих программы религиозного образования;
- разработке и утверждении единых стандартов по различным направлениям исламского теологического, религиозного и иного образования;
- разработке и утверждении примерных программ и учебных планов по религиозным дисциплинам, преподаваемым в исламских теологических, духовных и иных образовательных учреждениях;
- подготовке к изданию научной, религиозной и учебной литературы;
- переводе научной, учебной и религиозной литературы на различные языки;
- анализе научной, учебной и религиозной литературы и вынесение заключений о её богословской направленности;
- координации воспитательной работы в образовательных учреждениях с целью укрепления чувств патриотизма и гражданственности;
- реализации мероприятий и программ, направленных против распространения экстремистских и радикальных идей среди мусульманской молодежи и учащихся;
- участия в мероприятиях, направленных на противодействие террористической деятельности отдельных лиц и различных организаций;
- реализации единой политики в области внедрения новых педагогических и информационных технологий;
- совершенствовании организационно – экономического механизма функционирования системы религиозного образования;
- развитии международного и межрегионального сотрудничества с различными организациями, учебными центрами и другими учреждениями в сфере образования, включая религиозное образование;
- организации и проведение конференций, симпозиумов, совещаний, выставок и конкурсов, в том числе международных;
- достижении иных целей, не запрещенных законодательством Российской Федерации.

В рамках деятельности Совета был разработан единый образовательный стандарт по направлению «Исламское религиозное образование», в котором была дана характеристика специальности «Исламское богословие». По итогам обучения по данной специальности присваивалась квалификация «проповедник-богослов (имам-хатыб), преподаватель». Одновременно был подготовлен целый

ряд учебных программ.

По состоянию на сентябрь 2021 г., в России было около 80 исламских учебных заведений, из них 45 входили в Совет по исламскому образованию. Согласно официальному сайту Совета по исламскому образованию, по состоянию на 1 августа с.г., в России функционируют **12 высших** исламских учебных заведений и **33 средних** исламских профессиональных учебных заведения.

В последнее время ислам в России изучают глубже и серьезнее. Расширилась сфера мусульманского просвещения. Несмотря на определенную позитивную динамику и успехи, существует и много неурегулированных проблем. В частности, все еще недостаточно высок образовательный уровень духовенства, существует острая нехватка квалифицированных кадров. Отражением этой же проблемы является многообразие «профессионального происхождения» российских исследователей современного ислама, часть из которых не обладает базовым гуманитарным образованием. Велика конкуренция между муфтиятами и их централизованными объединениями, соответственно, весьма опасны трения между официальным и неофициальным исламом. Процесс формирования единых стандартов среднего и высшего исламского образования продолжается, и здесь нет ясности в отношении того, что представляют собой базовые установки исламского образования, и как они соотносятся с традициями российского ислама. Последняя проблема тесным образом связана с тем, что отечественное исламское образование должно препятствовать инфильтрации из-за рубежа различных версий т.н. нетрадиционного ислама радикального толка.

Многие исследователи относят к проблеме системы исламского образования отсутствие эффективного взаимодействия государственных и общественных органов в сфере регулирования деятельности исламских образовательных организаций, а также отсутствие единой системы мониторинга и контроля за деятельностью подобного рода образовательных учреждений.

Проблема, связанная с деятельностью неофициальных религиозных образовательных организаций, несет существенные риски для безопасности и стабильности в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений в России.

Резюмируя, важно отметить следующее: весьма целесообразно сфокусировать внимание на внешние проявления религиозного радикализма, предварительно обсудив в экспертно-аналитической среде пределы и возможности запрета на ношение одежды и символики запрещенных радикальных религиозных организаций. Ношение подобной одежды и символов может квалифицироваться как экстремистская деятельность с той же мерой уголовной и административной ответственности, как и в случае ношения нацистской и фашистской символики. При этом тех, кто носит эту одежду, можно включать в перечень экстремистов с вытекающими юридическими последствиями.

Попытки дестабилизации обстановки в межнациональной сфере: диверсии и провокации киевского режима

Результаты мониторинга состояния межэтнических и межрелигиозных отношений иллюстрируют серьезные угрозы и вызовы для сферы межнациональных отношений, что, с одной стороны, детерминировано характером информационного сопровождения киевским режимом военного вторжения ВСУ на приграничную территорию Курской области, с другой стороны, – параллельно инспирированной информационно-психологической операцией по подрыву социального согласия в российском обществе по национальному и религиозному признаку.

Одна из центральных задач внешних деструктивных сил (киевского режима совместно со структурами коллективного Запада) в противостоянии с Россией в условиях проведения СВО не подверглась сущностному изменению и по-прежнему состоит в рекогносцировке наиболее уязвимых и социально взрывоопасных тем, сопряженных с чрезвычайно высокими рисками эскалации конфликтов и противоречий на территории России, созданием предпосылок к ухудшению социально-психологического климата в российском обществе по различным причинам, таким как: недоверие, неприязнь или нетерпимость по этническому, религиозному, расовому и другим социальным основаниям. Первостепенная задача деструктивных сил – «вбить клин» в межнациональное согласие, породив недоверие народов России друг к другу либо большинства – к представителям определенных этнических сообществ (народов).

Представляется, что военная операция ВСУ имеет под собой несколько целевых установок следующего порядка:

создание резонансного информационно-психологического эффекта для пролонгации дальнейшей военно-технической и финансовой поддержки киевского режима со стороны коллективного Запада, демонстрация «сочувствующему» западному истеблишменту сохраняющегося «потенциала в борьбе»; оказание деструктивного воздействия на российское общество, содействие распространению панических, алармистских настроений, недоверия к местным и федеральным органам государственной власти, отдельным воинским подразделениям; формирование среди населения представления о критической неконтролируемости российской властью ситуации в Курской области, в приграничных территориях; корреляция ожидаемого негодования граждан Украины от неминуемого военного поражения на территории Донецкой Республики за счет сосредоточения общего внимания на временных тактических успехах на части российской приграничной территории; попытка инициирования нового витка антиукраинских настроений в российском обществе, преимущественно в отношении украинских беженцев.

Украина систематически пытается раскачать ситуацию в многонациональных регионах России. Российской экспертной средой регулярно выявляется активность ЦИПСО в этом направлении. В материалах, разрабатываемых украинскими структурами, деятельность и

функционирование силовых российских структур выставляется в негативном ключе, делаются попытки перевести темы, связанные с военными действиями, в область нарушения прав, отсутствия справедливости, в том числе, при финансовой компенсации потерь, неконтролируемости ситуации со стороны органов власти, с целью развития внутреннего конфликта.

Причастность ЦИПСО к продвижению данной тематики прослеживается уже с самих площадок, на которых размещаются подобные сообщения. Этими площадками оказываются телеграм-каналы, маскирующиеся под региональные и экспертные информационные площадки. Речь идет о спланированной информационной кампании: каналы, связанные с ЦИПСО, закупают продвижение своих постов, разжигающих ненависть к представителям власти в локальных каналах и чатах.

Следует отметить открывающиеся широкие возможности для инспирирования киевским режимом и его кураторами сепаратистской повестки на занятой ВСУ российской территории через включение в развитие названной темы россиян – иностранных агентов, экстремистов и других деструктивных элементов, выступающих на площадках т.н. «Форума свободных народов пост-России». Вместе с тем можно провести определенные параллели с недавним прошлым, когда украинские телефонные мошенники пытались спровоцировать общественные волнения в Республике Дагестан во время частичной мобилизации, а также в связи с инцидентом, связанным с реакцией общественности на палестино-израильский конфликт.

Сегодня очевидна деструктивная роль коллективного Запада в создании очагов острых межнациональных конфликтов по всему миру. Нормой является «система противовесов» – когда их конкуренты непрерывно с кем-то воюют: в 1980-ые годы коллективный Запад использовал против России афганских моджахедов, в 1990-ые годы поддерживал сепаратистские тенденции и в целом сепаратистов-террористов на Северном Кавказе. А уже методом современного противостояния с Россией является воздействия на ее внутренний социальный организм путем разжигания межнациональной розни, неприязни, ксенофобии, иных негативных социальных явлений, сепаратистских настроений, поощрение и провоцирование разнообразных радикальных экстремистских и террористических движений, открыто оппонирующих России.

Таким образом, в текущих военно-политических условиях, связанных с проведением Российской Федерацией специальной военной операции, сохраняются высокие риски и угрозы для российской межнациональной и межрелигиозной сферы, имеющие высокий ресурсный потенциал в части дестабилизации внутренней социально-политической обстановки, разобщения российского социума по различным социальным основаниям и идентификациям. Основные усилия внешних деструктивных сил сфокусированы на вопросах активного форсирования и насаждения в российском социуме недоверия, неприязни или неприязни друг к другу по национальному и религиозному признаку, «внешнем национальном самоопределении» республик – субъектов Российской Федерации, прямой поддержке этнократических тенденций и этноцентризма в регионах России,

стимулировании сепаратистских настроений внутри России и ретрансляции сепаратистской повестки зарубежных диаспор, объединяющих выходцев из национальных республик России, на российское информационное пространство.

Представляется целесообразным проведение различных профилактических и превентивных мер, нацеленных на полную парализацию деятельности националистических, сепаратистских и экстремистских организаций в российском информационном пространстве, в том числе в «ВК».

Одним из эффективных способов противодействия информационно-пропагандистским атакам сепаратистского и националистического толка может стать привлечение представителей массового искусства к производству произведений искусства, отражающих сохранение и защиту исторической правды, в первую очередь, о Великой Отечественной войне, вкладе народов России в борьбу с нацизмом. Это позволит, в том числе, дискредитировать и скомпрометировать россиян, участвующих в боевых действиях в составе ВСУ, т.е. на стороне киевского националистического режима.

Вместе с тем к профилактическим мерам также можно отнести:

- противодействие информационным вбросам, «фейкам», ужесточение меры контроля над достоверностью и верифицируемостью фактов и сведений;
- повышение меры ответственности, в том числе юридической, за контроль, профилактику и предупреждение проявлений экстремизма и сепаратизма;
- мониторинг СМИ и социальных сетей на предмет распространения сепаратистских материалов, *оперативное выявление и устранение (изъятие) источников такой информации;*
- повсеместная пропаганда выгоды и высокой целесообразности для всех субъектов существования единого, сильного и процветающего государства.

Этнополитическая стабильность в государстве может быть достигнута при фактической реализации социальной справедливости, вне зависимости от региона проживания граждан, что само по себе способно способствовать девальвации сепаратистских настроений в обществе и деполитизации этничности. Важно не допускать резкого ухудшения условий жизни широких слоев населения – этнических сообществ, когда люди готовы силой изменить существующее положение вещей, чем могут воспользоваться радикально настроенные региональные политические силы, строящие свои кампании на сепаратистских идеях.

Представляется весьма целесообразным в рамках военно-политической работы в зоне проведения СВО обратить особое внимание на вопросы обеспечения политической и социальной стабильности, укрепление национального согласия, общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа Российской Федерации (российской нации) через общность истории, традиций, культуры и цивилизационной идентичности народов России.